

Оригинальная статья / Original article

УДК 947.084.34(571.6)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-195-207>

Продовольственная проблема и внутривосточная ситуация в Дальневосточной республике в 1920–1922 годах

© Т.З. Позняк

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

Аннотация: Одной из главных задач, стоявших перед органами управления Дальневосточной республики, было наладить продовольственное снабжение армии и населения городов. Несмотря на существование рынка и частной торговли, именно государство взяло на себя заботу о получении и распределении продовольствия через свои органы и кооперацию. Способы получения зерна и фуража от сельского населения за три года существования республики несколько раз менялись: от продовольственной разверстки к разным формам товарообмена с деревней и затем к установлению «прогрессивно-подходно-поимущественного обложения». На торгово-промышленные предприятия, кроме основного и дополнительного промыслового, был установлен еще и чрезвычайный военный налог, но все эти меры не привели к ожидаемым результатам. Решение продовольственной проблемы осложнялось множеством обстоятельств: экономическая разруха и сокращение сельскохозяйственного производства, непрерывные реформы во всех сферах управления, включая продовольственную и налоговую, сопротивление крестьянства налоговой и податной нагрузке, несоразмерность финансовых возможностей республики и потребностей ведения войны и пр. Для восполнения дефицита бюджета правительству ДВР и Дальбюро ЦК РКП(б) часто приходилось обращаться к помощи Советской России. Постоянный дефицит продовольствия и финансов в ДВР приводил к ухудшению материального положения населения, что в свою очередь вызывало массовое недовольство правительством и коммунистами, рост забастовочного движения, сокращение производительности труда, развитие мешочничества, контрабанды, хищения государственного имущества и пр. Продовольственный вопрос был одним из главных факторов обострения внутривосточной ситуации в Дальневосточной республике и на протяжении всего её существования.

Ключевые слова: Гражданская война, Дальневосточная республика, Дальбюро ЦК РКП(б), Советская Россия, внутривосточное положение, продовольственная проблема, хлебозаготовки, налоги, забастовки

Для цитирования: Позняк Т.З. Продовольственная проблема и внутривосточная ситуация в Дальневосточной республике в 1920–1922 годах // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 2. С. 195–207. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-195-207>

Food problem and internal political situation in the Far Eastern Republic in 1920–1922

© Tatiana Z. Poznyak

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

Abstract: The main task of the government of the Far Eastern Republic was to arrange food supplies for the army and the population of cities. Despite the existence of the market and trade, it was the state that took upon itself the responsibility for obtaining and distributing food through its organs and cooperation. The methods of obtaining grain and fodder from the rural population changed several times during the three years of the republic's existence: from food appropriation to various forms of trade with the countryside and then to the establishment of a “progressive income taxation”. Government of the Far Eastern Republic established the main and additional fishing and extraordinary military tax on the commercial and industrial enterprises, but all these measures did not lead to the expected results. The solution of the food problem was hampered by many problems: economic devastation and a reduction in agricultural production, continuous reforms in all spheres of government, including food and tax, the resistance of the peasantry to tax and tax burdens, the disparity between the financial capabilities of the republic and the needs of waging war, etc. The government of the Far East and the Dalbyuro of the Central Committee of

the RCP (b) had to constantly turn to the help of Soviet Russia to fill the budget deficit. The constant shortage of food and finance in the Far East led to a deterioration in the material situation of the population, which in turn caused massive discontent with the government and the communists, an increase in the strike movement, a decrease in labor productivity, the development of bagging, smuggling, embezzlement of state property, etc. The food issue was one of the main factors in the exacerbation of the internal political situation in the Far Eastern Republic.

Keywords: Civil War, Far Eastern Republic, Dalburo of the Central Committee of the RCP(b), Soviet Russia, internal political situation, food problem, grain procurements, taxes, strikes

For citation: Poznyak T.Z. (2021) Food problem and internal political situation in the Far Eastern Republic in 1920–1922. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 195–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-195-207>

Проблеме обеспечения населения продовольствием и товарами первой необходимости в кризисные эпохи в отечественной советской и постсоветской историографии уделялось немало внимания. Исследователи сходятся во мнении, что в годы войн и революций резко возрастала роль государства и органов местного самоуправления в борьбе с дефицитом и дороговизной, а продовольственный вопрос был главнейшим в обострении внутривнутриполитической ситуации в стране (Борисов, Чернобаев, 1997; Давыдов, 2002; Камынин, Храмцов, 2017; Карпачев, 2011; Китанина, 1985; Лейберов, Рудаченко, 1990; Оськин, 2011; Оськин, 2015; Позняк, 2016; Позняк, 2018а. С. 37–156; Позняк, 2018b; Рынков, 2017; Чудаков, 2009). Однако применительно к периоду существования Дальневосточной республики подобных исследований не проводилось.

Цель статьи – проанализировать динамику продовольственной проблемы в ДВР, меры, принимаемые органами власти для её решения, а также влияние кризиса снабжения на внутривнутриполитическую ситуацию в республике. Основными источниками послужили нормативные акты, отчеты областных управлений, продовольственных органов, сводки Государственной политической охраны (Госполитохраны, ГПО), переговоры по прямому проводу и переписка представителей органов управления ДВР, Дальбюро и Сиббюро ЦК РКП(б).

Одной из главных задач, стоявших перед органами управления Дальневосточной республики, было наладить снабжение населения городов, и главное, армии, служащих и рабочих государственных учреждений и предприятий. Сохранившаяся частная торговля в условиях экономической разру-

хи, гиперинфляции, отсутствия банковского кредита переживала трудные времена. Несмотря на существование рынка и частной торговли, именно государство взяло на себя задачу получения и распределения продовольствия, создавая собственные органы и привлекая аппарат кооперации. Положение молодого государства осложняло то, что за годы войны в результате значительного огосударствления экономики выросла численность населения, получавшего финансирование от государства (госслужащие, рабочие казенных предприятий, военнослужащие и члены их семей, инвалиды и пр.). Продовольственные органы и способы получения и распределения продуктов питания в ДВР в течение рассматриваемого периода неоднократно подвергались преобразованиям. Плохая сохранность документов, включая законодательные, и бесконечные реформы сильно затрудняли задачу выяснения точного наименования продовольственных органов и процесс их преобразования.

До декабря 1920 г. Дальневосточная республика существовала в составе трех западных уездов Забайкальской области под управлением Верхнеудинского правительства. В момент объявления о создании буферного государства финансовое положение Прибайкалья было тяжелым, у новой власти отсутствовали средства на жалование рабочим и служащим, даже армия не получала продуктов и обмундирования (Дальневосточная политика..., 1995. С. 32–33, 54)¹. Важным фактором, обеспечив-

¹ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.) Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. 371 с.

шим существование республики, было разрешение Москвы на печатание в Иркутске денег ДВР, с апреля 1920 г. выпускались кредитные билеты с грифом Временной земской власти Прибайкалья, а затем – ДВР, так называемые «буферки» (Петин, 2018. С. 130–132; Погребецкий, 1924. С. 282–287; Шахеров, 2020. С. 183–184).

При формировании Верхнеудинского правительства было образовано и Министерство продовольствия. После объединения дальневосточных областей в ДВР и переезда столицы в Читу постановлением правительства от 28 ноября 1920 г. оно было переименовано в Министерство продовольствия и торговли. На него было возложено дело распределения продовольствия и производства закупок как внутри ДВР, так и за границей (Собрание узаконений..., 1920. С. 19)². На местах действовали Областные продовольственные комитеты (Облпродкомы) или продовольственные отделы (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 56. Л. 31). 11 ноября 1920 г. при правительстве учредили должность Чрезвычайного уполномоченного по снабжению армии, но уже 15 ноября ее упразднили и образовали Центральное управление снабжения республики (ЦУС). Затем снабжение армии было передано Главному управлению по снабжению НРА (Главпродарма) и его областным комитетам (Опродкомарма), упраздненным в июне 1921 г. (Собрание узаконений..., 1920. С. 5–6, 10³; Собрание узаконений..., 1921а. С. 31–32⁴).

Весной – летом 1920 г. продовольственные потребности Прибайкалья удовлетворялись за счет финансовых ресурсов, оставшихся от предшествующей власти (РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 56. Л. 14–30), а также поставок продовольствия из Советской Сибири через Иркутский губернский совнархоз. В июле 1920 г. министр продовольствия ДВР подписал соглашение с Сибнаркомпродом о поставках в республику хлеба, крупы, жиров и сахара, основным

условием его было ведение республикой самостоятельных заготовок хлеба и выполнением крестьянским населением подразверстки (История Дальнего Востока..., 2003. С. 450–451). Сходство налоговой и продовольственной политики ДВР и Советской России было не совпадением, а прямой директивой, исходившей из Советской республики, и условием оказания помощи.

Общие объемы помощи Сибревкома ДВР в 1920 г. выяснить не удалось, но, судя по докладу председателя Сиббюро ЦК РКП(б) И.Н. Смирнова председателю ВСНХ А.И. Рыкову и ЦК РКП(б) в октябре 1920 г., эти объемы в Сибири воспринимались как огромные, а взаимоотношения как несправедливые: «Между Советской Сибирью и ДВР после возвращения Краснощеклова установились хозяйственные отношения ненормальные. Мы продолжаем снабжать их хлебом, солью, углем, одеждой и прочим безвозмездно. Когда же нам требуется получить что-либо из ДВР, то отказывают, ссылаясь на то, что надо заключить торговый договор. Такое одностороннее понимание интересов ставит нас в крайне тяжелое положение. ... Такое превращение Советской России в дойную корову для буфера нетерпимо, и я прошу воздействовать на буферных государственных людей» (Дальневосточная политика..., 1995. С. 144–145)¹.

В конце 1920 – начале 1921 г. основным средством получения продовольствия для армии и городского населения в Прибайкалье были подразверстка и товарообмен с деревней. Верхнеудинское правительство утвердило продовольственную разверстку по 1 пуду хлеба с засеянной десятины в конце сентября 1920 г. Верхнеудинский крестьянский съезд в октябре 1920 г. принял постановление: «выполнить разверстку в боевом порядке». Районные съезды увеличили её до 3-х пудов (РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 56. Л. 19). Сбором занимались военные продовольственные органы. Однако её проведение упиралось в слабость силовых ресурсов, транспортную недоступность и неподконтрольность правительству волостных и сельских органов управления в отдаленных районах Прибайкалья, а главное – в сопротивление сельского населения, привыкшего к небольшим повинностям имперского

² Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. Чита, 1920. № 1.

³ Там же.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. Чита. 1921а. № 1 (7).

периода и к налоговой вольнице в годы Гражданской войны. Наибольшее же недовольство, доходящее в отдельных случаях до вооруженного противостояния, вызывали методы её проведения: незаконные реквизиции и бесчинства продотрядов (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 91. Л. 34–35, 194; Д. 114. Л. 30; РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 16–16 об.; Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8).

На съезде представителей уездных и городских народно-революционных комитетов (нарревкомов) Прибайкальской области, проходившем в Верхнеудинске с 28 декабря 1920 г. по 1 января 1921 г., заведующий Управснабпродом Рябинин доложил о том, что продразверстка «производилась агентами Опродкомарма» и была выполнена к 4 декабря лишь на 40 %, собранного хлеба с трудом хватало на нужды армии, «рабочее население снабжалось во вторую очередь» и если за ноябрь оно получило полный паек хлеба, то за декабрь только 10 фунтов (РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 56. Л. 19–20). Товарообмен не достиг результата из-за нехватки промышленных товаров для обмена на сельхозпродукцию и быстрого обесценивания буферных денег. Власти Прибайкалья путем товарообмена предполагали получить до 200 тыс. пудов зерна, а смогли заготовить к марту 1921 г. только около 80 тыс. (РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 9–9 об.).

Представители всех уездов на съезде жаловались на отсутствие продовольствия и денег у органов управления и невыплату заработной платы рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений летом – осенью 1920 г. Баргузинский и Верхнеудинский горнарревкомы ввели карточную систему распределения продовольствия, однако «даже по карточкам продукты не добавались», что приводило к недовольству населения и «саботажу» рабочих и служащих. В Верхнеудинске и Петровском Заводе ввели натуральные налоги на продукты, доставляемые крестьянами на местные рынки, что вызвало недовольство последних и отток продуктов (РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 56. Л. 14–30, 40–49).

Согласно сводкам ГПО ДВР, продовольственная и топливная ситуация в Прибайкалье стала критической уже в октябре 1920 г., рабочие и служащие го-

сударственных и кооперативных предприятий угрожали забастовками. По Верхнеудинску поползли слухи об уменьшении продовольственного пайка в лавках кооперативного общества «Экономия», о неравенстве в распределении продуктов питания: в то время как рабочие и трудящееся получали продовольственный паек в неполном объеме, служащие министерств (в первую очередь продовольствия), руководство кооперативов снабжались всем необходимым. В октябре 1920 г. ЦБ профсоюзов высказало по требованию рабочих Верхнеудинска недовольство министерству продовольствия (РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 56. Л. 20; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 12, 33).

После объединения в ДВР всех областей, зимой – весной 1921 г., ситуация со снабжением армии и городов оставалась прежней. 13 января 1921 г. Главком НРА ДВР Г.Х. Эйхе докладывал Помглавкому по Сибири В.И. Шорину о «плачевном» обеспечении армии продовольствием, теплым обмундированием и фуражом. 17 марта 1921 г. Г.Х. Эйхе в докладе председателю Сиббюро И.Н. Смирнову вновь поставил вопрос о «губительной для армии» продовольственной политике буфера: «...оставление армии в настоящем положении приведет армию к полной потере боеспособности и окончательному краху. На 2 фунта хлеба в сутки ни одна армия не будет боеспособна, какой бы революционной она ни была...» (Дальневосточная политика..., 1995. С. 188–193, 214–215)¹.

Снабжение городского населения было ещё более скудным. Рабочим и служащим Верхнеудинска паек за февраль был выдан в половинном размере (РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 9 об.). В сводке ГПО ДВР за конец февраля 1921 г. отмечалось: «Рабочие недовольны властью, дающей им полуголодный паек и совершенно не снабжающей их мануфактурой, требуя в то же время их усиленной работы. Их надежды на улучшение своего положения, в связи с объединением края и приходом своей власти, не оправдались. Их экономическое положение значительно ухудшилось, даже в сравнении с недавним прошлым. Крестьянство, ожидавшее в результате мирной обстановки возвращения своих сыновей и братьев, свободы от постоя и

гоньбы, связанных с расквартированием правительственных войск и «визитами» разных уцелевших отрядов и шаек – не получило ни того, ни другого, ни третьего. ... Развал промышленности и торговли лишает средств к существованию широкие слои городского населения. ... Население склонно отождествлять коммунистическую партию с существующей властью, но необходимо отметить, что коммунистическая партия пользуется еще меньшими симпатиями населения, чем правительство...» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 1).

В 1921 г. реформы продолжились. Учредительное собрание ДВР избрало новое правительство. Законом «О министерствах ДВР» от 29 апреля 1921 г. началось их преобразование, в числе других было введено разделение Министерства продовольствия и торговли на два самостоятельных: продовольствия и торговли (Собрание узаконений..., 1921а. С. 4)⁵. Было ли реально оно произведено, непонятно, так как весь 1921 г. в текстах законов продолжало фигурировать старое название. На местах в 1921 г. действовали органы министерства – Управления снабжения и продовольствия (Управснабпроды), тесно контактировавшие с кооперативами и использовавшие их аппарат и ресурсы в виде складов и заготовительных (ссыпных) пунктов. Постановлением правительства ДВР от 2 июня 1921 г. было упразднено Главное управление по снабжению НРА, и дело снабжения армии было передано Министерству продовольствия и торговли, где организовали военные отделы. У Военного ведомства осталось составление заявок и распределение получаемых от министерства «продовольствия и вещевого снабжения» (Собрание узаконений..., 1921а. С. 31–32)⁶.

Финансовая ситуация вынудила правительство повсеместно перейти с денежной оплаты труда на выдачу пайка. 8 марта 1921 г. было принято Положение о нормах снабжения государственных служащих и рабочих и их семей продовольствием и предметами первой необходимости. Трудящиеся слои населения и их семьи, имеющие право на по-

лучение пайка, были разделены на три категории. К первой отнесены лица, занятые «тяжелым физическим трудом и ответственные работники», ко второй – канцелярские работники, занятые легким физическим трудом, а также семьи всех рабочих и служащих, вне зависимости от должностей их глав, к третьей – дети до 16 лет. Положение содержало перечень и количество основных продуктов питания в пайке (Собрание узаконений..., 1921b. С. 27–29)⁷.

Главной причиной перехода на натуральную оплату труда было стремительное обесценивание бумажных денег: курсовая стоимость «буферного» рубля в августе 1921 г. составляла 1 коп. золотом за 1 000 руб. «буферками». Причинами падения курса было хождение денег на ограниченной территории, отказ Монголии от их приема, бессистемное выбрасывание их на рынок всеми казенными распорядителями финансов. Негативное влияние на финансовое состояние республики оказала и неграмотная политика правительства, в частности, запрет на хождение золотой и серебряной монеты, надолго убивший частную инициативу (Погребецкий, 1924. С. 283–284, 289–294, 300–301).

Нуллификация «буферок» не оставляла правительству выбора. Согласно Закону об урегулировании денежного обращения в Дальневосточной республике от 16 мая 1921 г., в ДВР, наряду с бумажными денежными знаками, ввели свободное обращение золотой, серебряной, медной монеты. С августа 1921 г. правительство перешло от пайков на начисление зарплаты рабочим и служащим государственных учреждений и предприятий в золотом рубле, кроме предприятий, перешедших на «коммерческие основания». Министерством совместно с профсоюзами было поручено под контролем Минтруда определить квалификацию труда, т. е. произвести разбивку на группы в пределах минимума 5 руб. и максимума 15 руб. зол., при этом выдачу заработной платы в этом месяце было решено производить исключительно продуктами (Собрание узаконений..., 1921а. С. 16)⁸; Собрание узаконений...,

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. Чита, 1921а. № 1 (7).

⁶ Там же.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. Чита. 1921b. № 2 (6).

⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. Чита. 1921а. № 1 (7).

1921с. С. 147–149⁹). С этого времени постановления о кредитах на заработную плату по государственным предприятиям и учреждениям издаются ежемесячно, однако, судя по постоянным задержкам жалованья, эти обязательства оставались на бумаге. В целях экономии средств в апреле и в октябре – декабре 1921 г. было произведено сокращение штатов государственных учреждений, в несколько приемов проводилась демобилизация НРА, содержание учреждений образования социального обеспечения перевели на местный бюджет.

В 1921 г. в ДВР продразверстка повсеместно была заменена «товарообменом» с деревней, попытки наладить его начались в середине 1920 г. Закупки зерна и фуража у крестьян (частично в обмен на деньги, частично на промышленные товары) и снабжение населения и армии требовали от государства огромных финансовых ресурсов. Однако в условиях гиперинфляции крестьянство шло на товарообмен «с большой неохотой» (РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 4 об.).

Судя по разговору по прямому проводу двух работников Министерства продовольствия и торговли ДВР 14 апреля 1921 г., острота продовольственного кризиса «достигла небывалых размеров. За март и апрель 75 процентов населения, питаемого государством, не получили ни фунта муки, ничего не говоря уже о других продуктах. На этой почве возникает открытое недовольствие властью». Рабочие Амурской и Читинской железных дорог организовали стачечные комитеты, намереваясь остановить железнодорожное движение. Единственной надеждой разрешения кризиса представители министерства считали помощь Сибири (Дальневосточная политика..., 1995. С. 223)¹.

На примере Амурского Управления продовольствия и снабжения (Управснабпрода) можно рассмотреть деятельность продовольственных органов на местах за период с июня 1920 г. по август 1921 г. В начале 1920 г. в Амурской области проводилась продразверстка, в июне 1920 г., был введен товарообмен как основная форма заготовки зерна. Первоначально применялся индивидуальный половинный

товарообмен с выдачей производителю за сдаваемый продукт половину стоимости деньгами, половину товаром по установленной твердой цене. К сентябрю 1920 г. такой обмен был отменен из-за «полного обесценения нового денежного буферного знака» и «справедливых нареканий со стороны сельского производителя», поскольку деньги обратно от населения не принимались. В это же время в городах прекратила работу частная торговля «ввиду обесценения бумажного рубля и нежелания торговцев подчиниться твердым обязательным ценам, ... и приказа недопущения хождения таяна». В результате на государство легла обязанность снабжения всего «трудового населения» города и области и «необходимость вести равномерное распределение имевшихся в распоряжении продоргана товаров-продуктов». Это было невозможно осуществить в порядке индивидуального товарообмена и областные власти решили заменить его коллективным с 10-го декабря 1920 г. Индивидуальный товарообмен производился через аппарат продовольственного органа, ссыпные пункты и кооперативы, коллективный – исключительно через аппарат кооперации (РГИА ДВ. Ф.Р-4699. Оп. 1. Д. 17. Л. 9–10; Погребецкий, 1924. С. 226).

Все эти «эксперименты» с получением сельхозпродукции от крестьян не достигли успеха: с введением новых правил поступление зерна на пару месяцев увеличивалось, а затем вновь прекращалось. Положение с заготовками продовольствия не спас и переход «на валютное обращение с 1-го июня 1921 г.». Запасы продовольствия в октябре – декабре 1920 г. не покрывали и полумесячной нормы потребления области, в декабре 1920 – январе 1921 г. недодача хлебных норм населению городов стала «систематической», в феврале – марте 1921 г. заготовка хлебо-фуража несколько улучшилась, а в апреле – мае население «даже скудным продовольственным пайком удовлетворялось только на 50%», немного лучше снабжалась армия, но и она постоянно недополучала мясо, жиры, овощи (РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 17. Л. 15–18).

На областных продовольственных органах лежала обязанность снабжения продовольствием и товарами первой необходимости армии, железной

⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. Чита. 1921с. № 3 (9).

дороги, водного транспорта, горной промышленности, рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений в городах и селах, членов семей народоармейцев и инвалидов, получавших денежное пособие от органов социального обеспечения. До 1-го июня 1921 г. в области на пайке состояло 172 тыс. чел., в том числе в г. Благовещенске – 54 тыс. чел., в г. Свободном – 11,8 тыс., в г. Зея – 6,5 тыс., занятых в горной промышленности – 8 тыс., на Амурской железной дороге – 51,7 тыс. Кроме того, в отчете было указано, что 20 тыс. чел. находились на иждивении государства и 20 тыс. чел., получавших паек, приходилось на «сельский служилый пролетариат». 1-го апреля 1921 г. областное управление провело первое сокращение числа лиц, получавших паек, однако оно дало «слишком ничтожные результаты». Затем после сокращения штатов многих учреждений и «переходом к снабжению только узкого круга необходимых государству лиц, принятому в апреле», количество снабжаемых по продпайку уменьшилось и на 1-е июня равнялось 120 тыс. чел. Месячное потребное количества муки по пайку уменьшилось с 114,3 тыс. до 80 тыс. пудов с 1 июня. Снабжение населения по продовольственному пайку осуществлялось по системе трудовых карточек и коллективных списков, по первым снабжалось трудовое население в городе и служащие железной дороги и их семьи, по вторым – «сельский служилый пролетариат». Распределение продуктов производилось в городах через «многолапочные коммуны» (кооперативы), на железной дороге – через кооператив «Центропотребитель» по системе так называемого районного прикрепления, «сельский служилый пролетариат» обслуживался районными складами «Амурского кооператора». Существующие нормы обеспечения по продовольственному пайку постоянно не выполнялись (РГИА ДВ. Ф.Р-4699. Оп. 1. Д. 17. Л. 16–17 об.).

В 1921 г. улучшения в продовольственном обеспечении города и армии власти ДВР обеспечить не смогли. Собственных доходов республике не хватало на выплаты жалованья рабочим и служащим, а главное – на содержание армии. Финансовая помощь, поступающая из РСФСР, целевым образом предназначалась на нужды армии, но поскольку

командование постоянно жаловалось на плохое снабжение войск, Сиббюро подозревало, что правительство ДВР тратит часть средств на гражданские нужды. 18 июля 1921 г. Главком НРА ДВР В.К. Блюхер сообщил Председателю Сиббюро ЦК РКП(б) И.Н. Смирнову телеграммой о «безнадежном состоянии армии». После ревизии члена Реввоенсовета Сибири А.Д. Давыдова И.Н. Смирнов, убедившись, что ситуация не столь катастрофическая, как ее рисует Главком, 2 августа 1921 г. по прямому проводу просил Л.Д. Троцкого дать «категорическое приказание Правительству ДВР, чтобы оно ближе подошло к нуждам армии» (Дальневосточная политика..., 1995. С. 278–279, 286–290, 297)¹.

Руководство ДВР находилось в сложнейшем положении: с одной стороны, на него давила Москва и Омск (Новониколаевск), требовавшие снабжение армии в первоочередном порядке, с другой – оно опасалось роста недовольства собственных граждан. Летом 1921 г. половинный паек и задержки заработной платы стали повсеместным явлением во всех областях республики, а с экономическими трудностями рос протест против власти и коммунистов. Массовый характер приняли забастовки или угрозы рабочих начать их. Упомянем лишь некоторые из них. В феврале 1921 г. бастовали рабочие нескольких заводов в Петрозаводском районе Прибайкальской области; в апреле – служащие и рабочие Амурского водного транспорта; в мае забастовки назревали в Управлении Амурской железной дороги, среди служащих Нарсвязи и учителей Верхнеудинска; с 4 мая в Благовещенске начали забастовку «грузчики, мельничные рабочие и ломовые извозчики, требующие военного пайка или валюты»; в августе – сентябре в Хабаровске погасить многомесячный долг по заработной плате потребовали служащие Рупвода и таможи (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 1 об., 25, 30).

Главными формами пассивного сопротивления стали, выражаясь языком сводок ГПО, «саботаж» и «итальянские забастовки»: служащие госучреждений уклонялись от работы под теми или иными предлогами, рабочие, получая половину пайка, трудились половину дня, а остальное время на казенном оборудовании и из казенных материалов дела-

ли поделки для обмена на рынке на продукты (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 3–3 об., 176–178, 207).

Существование рынка в ДВР не улучшало положение населения: из-за перехода на паек, выплаты жалованья продуктами и гиперинфляции большинство не могло ничего приобрести в частной торговле. Население городов выживало благодаря личным подсобным хозяйствам, обмену на рынке старых вещей на продукты, мешочничеству – поездкам в сельскую местность для товарообмена, распродаже рабочими частей машин и оборудования, а врачами и фельдшерами – медикаментов и оказание платных услуг. Из всех областей ДВР поступали сообщения о продаже народоармейцами казенного имущества, взяточничестве и использовании должностными лицами служебного положения в корыстных целях. В приисковых районах приобрело массовый характер хищение рабочими золота и продажа его «спекулянтам». Последние сбывали его в Манчжурии, обменивая на продукты и спирт. Контрабанда в приграничных районах Забайкальской и Амурской областей расцвела пышным цветом: «...китайцами и русскими контрабандистами привозится из-за границы мануфактура и спирт, обменивается на пушнину, муку, золото, которое увозится за границу, с контрабандой борется милиция почти не принимает...» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 3–3 об., 27, 32, 38–39, 44, 75, 189).

Настроение рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений несколько улучшилось в августе 1921 г., после обещаний выплат в золотом рубле. Немалую роль в снижении забастовочного настроения рабочих и служащих сыграли сокращения штатов во всех отраслях, включая промышленность, транспорт, госучреждения, и мобилизация: оставшиеся боялись, что их постигнет участь уволенных (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 175). Однако осенью 1921 г. задержки заработной платы в разных отраслях составляли от двух до четырех месяцев. Самое критическое положение сложилось в Приамурской области: в результате неурожая и плохого улова кеты армия и население голодали. Областные власти высказывали опасения, что «армия может бросить в силу голода хорошо

укрепленные позиции и представится полная возможность вторжения на территорию Приамурья семено-каппелевцев и меркуловцев» (Позняк, 2020. С. 58). Сводки ГПО за ноябрь 1921 г. писали: «На общем собрании всех служащих и рабочих гор. Хабаровска был избран объединенный стачком в большинстве из эсеров, которому поручено: подготовить общую забастовку, снестись с другими организациями и городами и по приезду Предсовмина ДВР предъявить требование в удовлетворении всех служащих и рабочих полностью за июль, август и сентябрь...», а также предоставить гарантии в будущей оплате труда. Служащие и рабочие города фактически с января 1921 г. «полностью не были удовлетворены и владели полуголодное существование» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 186).

Даже в Амурской области, которая до революции была «богата хлебом и другими видами продовольствия», снабжала и Приморье, и Забайкалье, весной 1921 г. областные власти были вынуждены приобретать хлеб за границей, и жаловались центру на угрозу голода и нехватку зерна для посева. Осенью 1921 г. из-за сокращения посевных площадей, «небывалой засухи» и неурожая область не могла обеспечить свои потребности, нехватка зерна предположительно составляла 1,8 млн пудов «при условии сокращения продпайка и получения всего зерна по области в продорганы». Областное собрание вынуждено было отказать Приамурской области в хлебе и продовольствии для населения, пообещав озаботиться только снабжением армии (РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 4 об.; Д. 114. Л. 251–251 об.; Позняк, 2020. С. 57–58). В ноябре 1921 г. служащие и рабочие городской электрической станции, аптекарские работники г. Благовещенска, рабочие типографии Дорпрофсоюз г. Свободного и союз Нарсвязи Амурского округа предъявили требование об уплате жалованья за август, сентябрь, некоторые учреждения прекратили работу. В декабре «единичные вспышки забастовок» наблюдались по всей Амурской железной дороге (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 188, 195, 197).

Начало 1922 г. ДВР встретила в глубочайшем кризисе: отступление на «Восточном фронте», голод в армии, дезертирство, рост бандитизма, массовый

поток беженцев из Приамурской в Амурскую область. Правительство ДВР и Дальбюро РКП(б) в начале февраля пребывали в панике в связи необходимостью вести военные действия и невозможностью обеспечить военные перевозки по железной дороге и армию продовольствием, фуражом и обмундированием (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 32, 33, 40–42, 60–64; Д. 176. Л. 1, 7–8, 15). Взятие Хабаровска в середине февраля 1922 г. и наступление на фронте несколько улучшило настроения населения и власти, но не спасло от тяжелой экономической ситуации (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 33; Д. 131. Л. 93).

В 1922 г. продовольственное дело перешло в ведение Министерства народного хозяйства, на местах работали Управснабпроды, затем Уполномоченные по торговле (Уполторги) и, наконец, инспекции по торговле (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 58; РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 161. Л. 34 об., 111). В июле 1922 г. был образован Госторг, основной его целью было осуществление государственных торговых операций для снабжения населения сельскохозяйственными машинами и инвентарем, обслуживание нужд государственной промышленности предметами массового потребления, экспорт сырья, продуктов сельского хозяйства, охоты и промыслов, предметов производства государственной промышленности, а также обслуживание нужд государственных учреждений путем заготовок продуктов и предметов массового потребления (Собрание узаконений..., 1922. С. 627–632)¹⁰. Однако все эти реформы не устраняли главной проблемы – нехватки денег на закупки продовольствия и жалование рабочим и служащим.

С 1 января 1922 г. начал действовать закон о минимальной заработной плате в соответствии с прожиточным минимумом, были введены тарифы оплаты труда по 17 ставкам, однако дефицит средств позволял выплачивать только 50–60 % минимума. В конце апреля 1922 г. Дальбюро приняло решение ни под каким предлогом не повышать тарифных ставок оплаты труда «впредь до улучшения финансового положения Республики до возможно-

сти вовремя выплачивать заработную плату» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 55; Д. 131. Л. 105). Численность государственных предприятий, снабжаемых казной, сократили, переведя большую часть из них на «коммерческие основания». Либерализация политики в отношении частной торговли и промышленности, введение золотого рубля привели к некоторому улучшению на рынке продовольственных и промышленных товаров, однако отсутствие денег у населения из-за постоянных задержек и половинных выплат заработной платы, массовая безработица не приводили к сколько-нибудь заметному улучшению материального положения населения ДВР (РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 161. Л. 159–159 об.; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 54–55). Верхнеудинский рынок, например, в мае – июне 1922 г. был переполнен промышленными товарами, цены на мануфактуру и одежду снизились из-за конкуренции и низкой покупательской способности населения, однако продовольствие продолжало дорожать стремительными темпами, например, цена на ржаную муку за два месяца выросла в 2–2,5 раза. Факторами, негативно влияющими на цены на зерно, были неурожай в Прибайкалье и информация о голоде в Советской России и Сибири (РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 161. Л. 111 об.)

Задержки заработной платы вызывали забастовки во всех областях республики. В мае 1922 г. забастовка рабочих и служащих Амурской железной дороги сильно осложнила военные перевозки, в июле 1922 г. назревала забастовка служащих Благовещенского городского управления из-за невыплат жалования в течение трех месяцев. Прибайкальское областное управление с октября 1921 г. по октябрь 1922 г. задолжало жалование служащим и рабочим до 150 тыс. рублей. 2-го августа забастовали медработники Троицкосавского уезда, 20 сентября – Баргузинское уездное управление (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 127; Д. 176. Л. 270–270 об., 303–304; РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 161. Л. 145; Д. 162. Л. 47).

Такое положение с обеспечением городского населения и армии продовольствием и фуражом сложилось во многом из-за провала посевных компаний и в 1921, и в 1922 гг., падения производства

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. Чита. 1922. № 13 (29).

сельскохозяйственной продукции, сопротивления крестьян политике власти по изъятию сельхозпродукции, невыполнения плана по хлебозаготовкам и сбору налогов. Положение осложняли стихийные бедствия в Амурской, Приамурской и Прибайкальской областях и в 1921, и 1922 гг. (Позняк, 2020. С. 57–60).

В 1922 г. основными путями получения продовольствия и финансов в ДВР стали прогрессивный подоходно-поимущественный налог с сельского населения, основной и дополнительный промысловый, а также военные налоги – с торгово-промышленного, а также помощь Советской России (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 33, 41). Причиной финансовых неурядиц было медленное организационное строительство нового государства и выработка налоговой политики. Общегосударственные налоги власти ДВР ввели поздно и не обеспечили сбор их в полном объеме, а, учитывая экономическую ситуацию в ДВР, и не могли обеспечить. Главная же причина была в неподъёмных расходах на содержание армии и военные перевозки для ДВР.

Дальбюро ЦК РКП(б) впервые поставило на повестку дня вопрос о необходимости введения налогов для решения продовольственной проблемы 29 декабря 1920 г. В результате постановили: «1. Проект о хлебном налоге переработать в направлении к приближению к Сов. порядку 2. Проведение налога временно отсрочить» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 180). Вероятно, такое решение было вызвано отсутствием указаний ЦК РКП(б) о направлении налоговой политики в ДВР. 23 апреля 1921 г. Учредительное собрание ДВР ввело прогрессивный подоходно-поимущественный налог со всех видов доходов населения, занятого сельскохозяйственной деятельностью (История Дальнего Востока..., 2003. С. 459). Разработка налоговой политики в ДВР и переход от продразверстки и товарообмена к налогообложению совпали по времени с коренным переломом политики Советской России – введением НЭПа и заменой продразверстки продналогом в марте 1921 г. Однако Министерство финансов ДВР затянуло с разработкой деталей налогообложения, только 12 июля 1921 г. правительство утвердило инструкцию по проведению в жизнь По-

ложения о денежно-натуральном сборе в счет прогрессивно-подоходно-поимущественного обложения в 1921 году, а поскольку размеры обложения вызвали массовые протесты с мест, 29 октября 1921 г. был принят Закон об утверждении новой инструкции (Собрание узаконений..., 1921d. С. 434–439)¹¹. 28 февраля 1922 г. Дальбюро ЦК РКП(б) утвердило состав и функционал Центральной государственной налоговой комиссии, к сбору налога приступили в марте 1922 г., срок добровольной уплаты налога оканчивался 1 мая (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 65; РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 162. Л. 30 об.–31).

Непоследовательность действий власти и сопротивление крестьян привели к неполному сбору налога. Для Амурской области налог первоначально был установлен в 1100 тыс. руб., затем – 500 тыс., из них с 25 марта по 1 июля 1922 г. поступило 144,3 тыс. руб. (РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 255 об.–257 об.; Д. 162. Л. 30 об.–31, 33 об.). В Прибайкальской области к поступлению планировалось 180 тыс. руб., к 25 апреля 1922 г. поступило 60 тыс. деньгами и на 9 тыс. натурой (РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 161. Л. 40). Несмотря на последовавшие наказания местных органов управления и неплательщиков, налог полностью собран не был и недоимки взыскивались параллельно со сбором налога за 1922 г. в ноябре – декабре 1922 и в начале 1923 г. Но, если учитывать в каких условиях проходила налоговая кампания, ее результаты можно назвать даже хорошими. Сбору налогов сопутствовали сокращение посевов, неурожай и сопротивление крестьян. Средства на проведение кампании – оплату труда инструкторов, организацию налоговых комиссий и сыпных пунктов – были выделены областям с большим опозданием и в весьма скромном размере. Несмотря на постоянные обращения лиц, ответственных в областях за сбор налогов, центр оставался глух к их просьбам и только бомбардировал места угрозами наказаний по партлинии. Результаты кампании во многом были обеспечены энтузиазмом отдельных партработников, посылкой вооруженных продотрядов и репрессиями против представителей волост-

¹¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. Чита. 1921d. № 8 (14).

ных и сельских комитетов (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 176. Л. 37, 60–63, 114, 122–123, 134–138, 151, 208; Д. 606. 38 л.).

Результатом экономической разрухи, сокращения сельскохозяйственного производства и слабого сбора налогов стал недостаток финансов в казне ДВР и постоянные обращения к ЦК РКП(б) и СНК с просьбами о помощи. Только в январе – феврале 1922 г. Дальбюро ЦК РКП(б) около десяти раз рассматривало вопросы катастрофической нехватки финансов на армию, транспорт и военные перевозки, выплату заработной платы рабочим угольной промышленности и пр. (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 20, 32–33, 151). В частности, 12 февраля Дальбюро после доклада П.М. Никифорова о содержании НРА постановило считать целесообразным ввести в Забайкалье и Амурскую область части 5-й Красной Армии, констатировало невозможность содержания НРА и частей Красной Армии за счет ДВР и необходимость переложить их финансирование на РСФСР, невозможность производить на собственные средства переброску войск из Советской России (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 40–42). По данным Н.П. Егунова, долг ДВР перед РСФСР к ноябрю 1922 г. составил 100 млн руб. золотом (Егунов, 1972. С. 85). Эта цифра, вероятно, является преувеличенной, по другим данным, дефицит бюджета республики за 1921–1922 гг. составлял 18,6 млн зол. руб. и покрывался дотациями Москвы. Без финансовой и военной помощи со стороны Советской России существование ДВР было немыслимым (Погребецкий, 1924. С. 312).

Одной из главных задач, стоявших перед органами управления Дальневосточной республики, было наладить продовольственное снабжения армии и населения городов, обеспечить выплату заработной платы или выдачу пайка служащим и рабочим государственных учреждений и предприятий. Несмотря на существование рынка и частной торговли, государство взяло на себя решение задачи получения и распределения продовольствия через собственные органы и кооперацию. Способы полу-

чения зерна и фуража от сельского населения за три года существования республики несколько раз менялись: от продовольственной разверстки к разным формам товарообмена с деревней и затем к установлению налогов с сельского населения. Кроме того, для наполнения казны с торгово-промышленных кругов был введен основной и дополнительный промысловые и военный налоги. В сфере обеспечения служащих и рабочих государственных учреждений и предприятий и других нуждающихся категорий трудового населения государство перешло от выплаты жалованья к пайку и карточкам и затем – к выплате заработной платы в золотом рубле. При этом выдача половины пайка или заработной платы, задержка последней были повсеместными и постоянными явлениями в ДВР. Государством использовались также такие меры, как установление твердых цен на продукты питания, введение жестких тарифов оплаты труда, установление «единой кассы» и жесткой экономии финансов, включая сокращение штатов государственных предприятий и учреждений и отказ от обеспечения инвалидов, семей военных, безработных, беженцев. Огромную роль в продовольственном кризисе в ДВР сыграли общая экономическая и финансовая разруха в результате затяжной войны, непомерная для бюджета ДВР нагрузка в виде содержания армии и военных перевозок, рост численности снабжаемых за счет казны, слабость государственной власти, непрерывные реформы во всех сферах управления, включая продовольственную и налоговую, сопротивление крестьянства налоговой и податной нагрузке и пр. Ухудшение материального положения трудящегося населения вызывало массовое недовольство правительством и коммунистами, рост забастовочного движения и разные формы приспособления населения, негативно воспринимавшиеся властью, – сокращение производительности труда и халатное отношение к своим обязанностям, мешочничество, контрабанда, бандитизм, хищения государственного имущества, взяточничество и пр.

Библиографический список

Борисов В.И., Чернобаев А.А. Хлеб, война, революция: Продовольственная политика на Юге России в пе-

References

Borisov V.I., Chernobaev A.A. (1997) Bread, War, Revolution: Food Policy in the South of Russia during the

- риод Первой мировой войны и революции (1914–1918). М.: АИА; Луганск: ЛСХИ. 146 с.
- Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб.: Наука, 2002. 341 с.
- Егунов Н.П. Очерки истории Дальневосточной республики. Улан-Удэ. Бурятское книжное издательство, 1972. 116 с.
- История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
- Камынин В.Д., Храмов А.Б. Борьба с дороговизной и обеспечение населения товарами первой необходимости в городах Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Былые годы. 2017. № 45 (3). С. 1110–1118.
- Карпачев М.Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии) // Российская история. 2011. № 3. С. 66–81.
- Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. Л.: Наука, 1985. 384 с.
- Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М.: 1990. 222 с.
- Оськин М.В. Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 г.: поиски выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 53–65.
- Оськин В.М. Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. 2015. № 7 (204). Вып. 34. С. 164–171.
- Петин Д.И. К вопросу о производстве денежных знаков Дальневосточной республики в Иркутске (июль 1920 г. – март 1921 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 130–137.
- Погребетский А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924). Харбин: Издание Общества изучения Маньчжурского края и Дальневосточно-Сибирского Общества «Книжное дело», 1924. 429 с.
- Позняк Т.З. Борьба с дефицитом и дороговизной в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сборник статей. Владивосток, 2016. С. 177–194.
- Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2018а. 712 с.
- First World War and the Revolution (1914–1918). Moscow: AIA; Lugansk: LSKhI. 146 p. (In Russ.)
- Davydov A.Yu. (2002) Illegal supply of the Russian population and the government. 1917–1921: Baggers. St. Petersburg: Nauka. 341 p. (In Russ.)
- Egunov N.P. (1972) Essays on the history of the Far Eastern Republic. Ulan-Ude: Buryat Book. 116 p. (In Russ.)
- (2003) History of the Russian Far East. Vol. 3. Book. 1. The Far East of Russia during the Revolutions of 1917 and the Civil War. Vladivostok: Dalnauka. 632 p. (In Russ.)
- Kamynin V.D., Khramtsov A.B. (2017) The fight against high prices and providing the population with essential goods in the cities of Western Siberia during the First World War. *Bylye gody = Bye years*. No. 45 (3). P. 1110–1118. (In Russ.)
- Karpachev M.D. (2011) The crisis of food supply during the First World War (based on the materials of the Voronezh province). *Rossiiskaya istoriya = Russian history*. No. 3. P. 66–81. (In Russ.)
- Kitanina T.M. (1985) War, bread and revolution. The food issue in Russia. 1914 – October 1917. Leningrad: Nauka. 384 p. (In Russ.)
- Leiberov I.P., Rudachenko S.D. (1990) Revolution and bread. Moscow. 222 p. (In Russ.)
- Oskin M.V. (2011) Food policy of Russia on the eve of February 1917: the search for a way out of the crisis. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*. No. 3. P. 53–65. (In Russ.)
- Oskin V.M. (2015) The food issue in Russia in 1917: the weak point of the new government. *Nauchnye ведомosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya = Belgorod State University Scientific Bulletin. Ser. History. Political science*. No. 7 (204). Iss. 34. P. 164–171. (In Russ.)
- Petin D.I. (2018) On the issue of the production of banknotes of the Far Eastern Republic in Irkutsk (July 1920 – March 1921). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. No. 432. P. 130–137. (In Russ.)
- Pogrebetskiy A.I. (1924) Currency circulation and banknotes of the Far East during the War and Revolution (1914–1924). Harbin: Izdanie Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya i Dal'nevostochno-Sibirskogo Obshchestva "Knizhnoe delo". 429 p. (In Russ.)
- Poznyak T.Z. (2016) Fight against deficit and high cost in the cities of the Russian Far East during the First World War. *Dal'nii Vostok Rossii i strany Vostochnoi Azii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny: sbornik statey = The Far East of Russia and the countries of East Asia on the eve and during the First World War: digest of articles*. Vladivostok. P. 177–194. (In Russ.)
- Poznyak T.Z. (2018a) Everyday life of Vladivostok from the First World War to the Civil War (1914–1922): essays on history. Vladivostok: Dalnauka. 712 p. (In Russ.)

Позняк Т.З. Продовольственный кризис во Владивостоке в годы Гражданской войны и деятельность городского самоуправления по введению карточек // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Владивосток, 2018b. Т. 19. С. 35–52.

Позняк Т.З. «Больные вопросы» и внутриполитическое положение Дальневосточной республики в 1920–1922 годах // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 4. С. 51–62.

Рынков В.М. В преддверии военного коммунизма: государственная продовольственная политика как фактор трансформации хлебного рынка России (февраль – октябрь 1917 г.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3 (166). С. 105–119.

Чудаков О.В. Деятельность органов городского самоуправления Тобольской губернии в борьбе с дороговизной жизни в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Омский научный вестник. 2009. № 4 (79). С. 35–37.

Шахеров В.П. Эмиссионная деятельность в Иркутске после восстановления Советской власти в 1920 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 178–191.

Сведения об авторе

Позняк Татьяна Зиновьевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
✉ e-mail: tzpoznyak@mail.ru

Заявленный вклад автора

Т.З. Позняк выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 4 апреля 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки
28 апреля 2021 г.
Принята к публикации 17 мая 2021 г.

Poznyak T.Z. (2018b) The food crisis in Vladivostok during the Civil War and the activities of the city government on the introduction of cards. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. Vladivostok. Vol. 19. P. 35–52. (In Russ.)

Poznyak T.Z. (2020) “Sore issues” and the internal political situation of the Far Eastern Republic in 1920–1922. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke = Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East*. No. 4. P. 51–62. (In Russ.)

Rynkov V.M. (2017) On the eve of War Communism: state food policy as a factor of the Russian grain market transformation (February – October 1917). *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki = Izvestia. Ural Federal University Journal. Ser. 2. Humanities and Arts*. Vol. 19. No. 3 (166). P. 105–119. (In Russ.)

Chudakov O.V. (2009) The activities of the municipal authorities of the Tobolsk province in the fight against the high cost of living during the First World War (1914 – February 1917). *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*. No. 4 (79). P. 35–37. (In Russ.)

Shaherov V.P. (2020) Emission activity in Irkutsk after the restoration of Soviet power in 1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 2. P. 178–191. (In Russ.)

Information about the author

Tatiana Z. Poznyak,
Cand. Sci. (History), Senior Research,
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Peoples of the Far East, FEB RAS,
89, Pushkinskaya street, Vladivostok 690001, Russia,
✉ e-mail: tzpoznyak@mail.ru

Contribution of the author

T.Z. Poznyak carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received April 4, 2021.
Received April 28, 2021.
Accepted May 17, 2021.